рые актуализируются именно как традиции в результате выбора из этого поля возможностей, выбора, осуществляемого потребностями творческого развития.

Процесс взаимодействия традиции и новаторства, обрисованный Э. С. Маркаряном, имеет *однонаправленный* характер. Традиция (прошлое) всегда выступает детерминантой творчества (настоящего, переходящего в будущее).

Но традиция — не просто ориентация на прошлое, а *принципиально избирательная ориентация*, обусловленная тенденциями творческого развития, преследующего определенные цели. Поэтому традиция — всегда динамическое, пульсирующее явление культуры, и не только в силу рождения новых традиций (переход инноваций в стереотипы), но и потому, что традициями становятся возвращенные к жизни те или иные слои культурного наследия.

Понимание традиции как развивающегося феномена порой влечет за собой столь расширительное ее толкование, что суверенное содержание этой категории совершенно утрачивается. Так, по мнению В. Б. Власовой, традиция «включает в себя как консервативную, стабилизирующую функцию, так и творчество, критику, новаторство и прочие стимулирующие прогресс общества и его культуры тенденции человеческой деятельности» [5]. Здесь мы снова встречаемся с отождествлением традиции и культуры во всем ее объеме.

На наш взгляд, традиция есть некое связующее звено между культурным наследием и творчеством, осуществляющее не только преемственность культур, но и их *диалог*. Традиция рождается во *встречном движении обеих тенденций культуры*. Собственно, о традиции мы только и можем судить, постигая ее в новых явлениях культуры в качестве их фундамента. Воспроизведение зафиксированного образца — не традиция, а консервация. Не считаем же мы копию картины картиной, выполненной в традициях копируемого художника. Любопытен парадокс И. Стравинского: «Все, что не является традицией, есть плагиат» [6].

Думается, что наши рассуждения, ориентированные в первую очередь на художественную культуру, имеют и более широкий смысл.

---

[5] *Власова В. Б.* Традиция как социально-философская категория.— Философские науки, 1980, № 4, с. 35.

[6] *Стравинский И.* Статьи и материалы. М., 1973, с. 37.

Э. В. Соколов

ТРАДИЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В обсуждаемой статье Э. С. Маркаряна теоретически обосновывается расширительное истолкование понятия «культурная традиция», наметившееся в последнее время в обществознании, подчеркивается методологическая ценность такого истолкования, в частности, с точки зрения задач глобального моделирования. Статья в целом, хотя и не исчерпывает поставленную тему, выглядит глубоко продуманной, содержит немало свежих мыслей, существенных для культурологии. Наши замечания касаются ряда частных вопросов, относящихся к следствиям расширительного истолкования традиции, поскольку таковое так или иначе сказывается на всем понятийном аппарате обществознания вообще и культурологии в особенности.

Прежде всего отметим, что вплоть до начала XX в. термин «традиция» имел несколько не совпадающих друг с другом значений. Во-первых, традицией назывался в юриспруденции акт передачи владения каким-либо имуществом от одного лица к другому. Во-вторых, с традицией связывался устный способ закрепления и передачи от поколения к поко-

лению некоторой важной информации. В-третьих, речь шла о вероисповедной традиции, например католической, протестантской, православной.

Будучи взято в двух последних смыслах, понятие традиции ассоциировалось с мифом, фольклором, религией, бытовыми обрядами и вообще с архаическими способами культурного наследования. Поэтому традиция осознавалась как нечто противостоящее науке, философии, творческому мышлению, рациональным и письменно-текстуальным способам передачи культурного наследия. В советской философской энциклопедии отмечается, что традиционный тип преемственности связан с тем, что сохранение каких-либо норм, верований и установлений узаконивается самим фактом их существования в прошлом, т. е. отнюдь не их эффективностью и оправданностью «перед лицом разума». В связи с этим такие словосочетания, как «научная традиция», «философская традиция» и даже «художественная традиция», которые сейчас воспринимаются как вполне привычные, вряд ли могли существовать в языке прошлого столетия. И до сих пор понятиями «традиционное общество», «традиционная культура» обозначают нередко тип преемственности, характерный для сельской общины, где письменность не играет большой роли, а поведение людей ориентировано на прошлое и воспроизводит уже сложившиеся образцы.

В последние десятилетия значение термина «традиция» существенно расширилось. Заметно «стерлась» грань между традицией и творчеством (говорят о творчестве в русле той или иной традиции и вообще о «творческих традициях»); традиции обнаружились во всех сферах общества и культуры, в том числе и в науке; «традиционность» примитивных обществ перестала рассматриваться как нечто монолитное, обнаружилась множественность традиций уже на архаических стадиях развития; между локальными, национальными традициями и общечеловеческими формами жизни выявилось множество связей. Эти изменения в значении термина «традиция» произошли в результате ускорения темпов жизни и сокращения сроков активной жизни отдельных элементов культурного наследия. Поэтому правомерным представляется стремление Э. С. Маркаряна теоретически и методологически обосновать новое понятие традиции, вычленить его абстрактные, инвариантные характеристики. Общенаучное понятие культурной традиции, несомненно, представляло бы большую ценность для развивающейся культурологии, которая нуждается в междисциплинарной перспективе исследования культуры. Следует однако видеть, что расширенное понимание термина «культура» влечет за собой изменение его соотношения с другими понятиями и категориями обществознания, требует переосмысления и этих понятий. В частности, широкое понимание традиции как культурного наследия, передаваемого от поколения к поколению, делает мало ощутимым различие между понятиями «культура», «культурная преемственность», «культурное наследование», с одной стороны, и понятием «культурная традиция» — с другой. Э. С. Маркарян определяет традицию как информационную характеристику культуры, подчеркивает ее универсальность и необходимость для любого общества, проводя аналогию между традицией и видовыми программами биоэволюции. При таком понимании оказывается, что традиция и только традиция является условием непрерывности социального существования, аккумуляции опыта, стабильности и устойчивости. Не происходит ли в таком случае отождествления терминов «культура» и «культурная традиция»? Более того, не оказывается ли и само понятие «общество» как бы «растворенным» в культурной традиции? Справедливо указывая в начале статьи, что традиция представляет собой социально-организованный, выраженный в стереотипах групповой опыт, автор статьи тем самым отграничивает традицию от других источников социально-культурного гомеостаза, которые не исчерпываются стереотипами поведения. Однако в дальнейшем, уподобляя традицию биологи-

ческому коду и приписывая ей функцию генерализованного предвидения условий существования будущих поколений, автор, на наш взгляд, стирает существенную грань между традициями, концентрированным опытом поколений, с одной стороны, и некоторыми фундаментальными устоями общественности, формами, модусами социального существования, самой «первичной субстанцией» социума — с другой. Отмечая различие локальных, национальных традиций и традиций общечеловеческих, автор все же характеризует это различие как относительное. На наш взгляд, введение понятия «общечеловеческие традиции» вряд ли правомерно. Общечеловеческие моменты деятельности обусловлены не стереотипами поведения, которые складываются эмпирически, а имманентными структурными особенностями социума, важнейшими императивами деятельности. Так, например, половозрастные различия и соответствующие им взаимоотношения, хотя и связаны с определенными традициями, все же к ним не сводятся. Люди взаимодействуют с природой, продолжают свой род, вступают друг с другом в некоторые иерархические отношения не «по традиции», а потому что само бытие людей обладает некоторой структурностью и качественной определенностью.

Этот аспект проблемы следует, как нам кажется, иметь в виду, когда мы строим различные программы общественных преобразований. Область традиций стала сегодня рассматриваться как область «социальной инженерии». Мы поддерживаем и возрождаем полезные традиции, боремся с традициями вредными и архаическими, создаем новые традиции, отвечающие сегодняшним условиям жизни. Во всех случаях, когда мы ставим задачу «оптимизации» традиций, мы должны отделять собственно традиции от тех форм существования, которые традициями не являются и оптимизации не подлежат. Вмешательство в жизнь общественного организма имеет некоторые пределы, так же как и вмешательство в жизнь живого организма.

Э. С. Маркарян, анализируя точки зрения на традицию И. В. Суханова и Д. М. Угриновича, указывает на их частичность, ограниченность и призывает к интегральному рассмотрению традиции, которое включало бы в себя и обычай, и ритуал, и целый ряд других стереотипизированных действий. Следует согласиться с тем, что представление о традиции должно быть максимально полным, должно синтезировать в себе все формы накопления и передачи человеческого социального опыта. Однако различие точек зрения И. В. Суханова и Д. М. Угриновича связано, как нам кажется, не с тем, что они ограничивают традицию какими-то из ее элементов, а с тем, что каждый из них исходит из особенного взгляда на культурную традицию, из специфического метода исследования культуры. Говоря о том, что традиции прямо обращены к духовному миру человека, И. В. Суханов фактически опирается на феноменологический метод исследования культуры, который включает описание внутреннего содержания традиций, их человеческого смысла и связанных с ними переживаний. Д. М. Угринович, оценивая традицию как копирование, воспроизведение целостных «кусков» жизненного процесса, рассматривает ее как бы извне, т. е. со стороны ее социальных функций. Взгляд И. В. Суханова должен развиваться в русле той научной традиции, которая связана с изучением типов мировоззрений, так же как и работы Дильтея, Вебера, Сорокина, вообще труды по культурно-исторической типологии. Подход Д. М. Угриновича соответствует методу структурно-функционального анализа, представленного, в частности, Дюркгеймом и Малиновским. Мы не убеждены в том, что эти два подхода могут быть соединены в рамках некоторого интегрального метода. Они являются скорее взаимодополнительными. И кстати сказать, мысль самого Э. С. Маркаряна в данном докладе развивается, несомненно, в русле структурно-функциональной, а не историко-типологической традиции. Этим объясняется и то, что Э. С. Маркарян оставляет за рамками тра-

диции все те виды ненаследственного опыта людей, которые не имеют группового характера, иначе говоря, исключает из традиции всю сферу индивидуальной культуры. В таком случае половая любовь, поэтическое творчество, культивация индивидуальных способностей оказываются вне культурных традиций, что по меньшей мере странно. Стереотипы индивидуальной культуры могут быть рассмотрены в рамках соответствующих традиций, однако лишь с помощью феноменологического метода.

Э. С. Маркарян

О ЗНАЧЕНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В дискуссии было высказано много интересного. Логически исходным является вопрос о самом понятии «культурная традиция», его объеме, содержании и познавательных функциях. Подавляющее большинство участников дискуссии признают необходимость значительного расширения объема и содержания понятия «культурная традиция» и в принципе согласны с предложенной в докладе его характеристикой. Практически лишь С. А. Арутюнов и Л. В. Данилова склонны придерживаться узкой трактовки рассматриваемого понятия. Но и Л. В. Данилова признает «бесспорную эвристическую ценность» расширительного понятия, призванного интегрировать все формы социально организованного группового опыта людей. Она лишь считает нецелесообразным закрепить за данным понятием термин «традиция», полагая, что в мировой науке так обозначается особый способ записи и воспроизводства социального опыта. По ее мнению, суть его состоит в синкретичной слитности программных установок деятельности и средств их реализации, характерных для обычая и обряда. В связи с этим в выступлении Л. В. Даниловой сквозит стремление привязать традицию к тем историческим эпохам, для которых было характерно господство указанного типа регуляции общественной жизни.

Вполне соглашаясь с мнением Л. В. Даниловой о качественном различии данного способа регуляции и способа регуляции «рационального типа», для которого уже нехарактерна жесткая связь между программами деятельности и средствами реализации, мы тем не менее продолжаем считать, что оба эти способа вполне могут быть интегрированы понятием «культурная традиция». Объективным же основанием подобной интеграции является общность механизма социальной стереотипизации опыта. То обстоятельство, что в одном случае установки и предписываемые средства осуществления стереотипизируются в их слитности, а в другом мы наблюдаем автономную стереотипизацию целей и ценностных установок, никак не может служить препятствием для подведения их под более широкое родовое понятие. А более приемлемого для выполнения этой функции понятия, чем «культурная традиция», в современной науке, по-видимому, не существует.

С. А. Арутюнов считает, что широта предложенного понятия культурной традиции «ущемляет его операциональность». Но почему? Разве степень операциональности (в данном контексте — методологической эффективности) понятия находится в непосредственной зависимости от его объема и широты? Нам думается, что подобной зависимости не существует. Ведь одна из наиболее характерных особенностей современной науки состоит в выявлении инвариантов изучаемых сфер действительности. Понятия, выражающие подобные свойства, могут иметь очень широкий характер и вместе с тем быть операциональными. Операциональность понятия зависит от того, насколько правильно и эффективно